

Кристина Борис

Переворот

16+

Кристина Борис Переворот

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39488565

SelfPub; 2018

Аннотация

Жизнь – явление, щедрое на непредсказуемости. Кому-то она даёт смысл жизни тогда, когда её вовсе не ожидаешь, а у иного она отберёт то, к чему он стремился всё своё время, творя настоящий переворот.

Пролог

Эта новость разлетелась по всему королевству с завидной скоростью и вызвала неоднозначные чувства: король Уильям исчез. Утверждалось, что старый король тяжело заболел и отправился в глубокую провинцию доживать свой век в небольшом поместье вместе со своей королевой-матерью, а править королевством вызвался его двоюродный брат – молодой принц Эдуард. Так оповещал королевский двор, но все знали, что это не так – короля Уильяма убили.

На самом деле переворот застал короля с бутылкой эля. Кровь и эль смешались в его горле и вырвались наружу с хрипом из-за пики в груди – подарок от нового короля Эдуарда. Королева-мать бежала из страны.

Никого не смущал такой расклад, и все делали вид, будто это их не заботит, ведь своя жизнь куда ближе и понятнее, нежели жизнь человека, поедавшего твой хлеб каждый день.

«Да и чёрт с ним! Он же не волновался, как ты добывал себе хлеб, как ты оплачивал ему налоги, откуда ты брал эти деньги! Так какого чёрта ты должен думать о том, что его закололи как свинью? Я даже рад этому. Лишь бы новый король не был таким же пьяницей». – это или что-то подобное можно было услышать из различных закоулков королевства.

Смена власти совпала с открытием осенних ярмарок, потому часто на лавках с тыквами красовались фигурки исколотого старого короля. Эль разливался рекой, а самодельные

театры постоянно разыгрывали спектакли, где воссоздавали сцену смерти короля и изгнания королевы. Народ ликовал и пел песни в честь нового правителя.

Новый король Эдуард и так должен был стать следующим правителем, ведь он был близким по крови старой знати – горячо любимый племянник королевы-матери. Прямых наследников у короля Уильяма не было. Народ с нетерпением ждал перемен, надеясь освободиться от диктатуры и нищеты.

Всё изменилось, когда король Уильям неожиданно для всех объявил о том, что наследник всё же есть. Это возмутило многие великие дома, но ещё больше их поразила следующая новость: наследник не из знатного дома – это плод слабости от гончарной девки.

Каждый представитель знатного рода, кто имел хотя бы одну физически зрелую дочь, надеялся подложить её под старого короля, чтобы она понесла от него наследника и иметь право на то, чтобы именно его внук стал следующим королём, прославив род знати. Если старый король не сможет исполнить свой долг, то следующий король Эдуард уж точно осуществит мечту расчётливых отцов. Потому новость о наследнике гнусного происхождения повергла в шок и вызвала много возмущений.

Постепенно начинался бунт. Король Эдуард не хотел просто так прощаться с мыслью о троне. Воспользовавшись моментом, господа поддержали партию молодого и амбициоз-

ного Эдуарда, по-прежнему надеясь осуществить свой план с наследником. Так у Эдуарда появилась подкупленная многочисленная армия, средства и поддержка великих домов, а, следовательно, и их народа.

Так произошёл переворот.

Уильям

Король Уильям был обделён вниманием и лаской с самого детства. Он не мог получить любовь короля-отца, потому что тот не видел в нём ничего, что свидетельствовало о том, что страной будет управлять рассудительный и уверенный мужчина.

Ранимый и трусливый мальчик только и слышал упрёки со стороны отца: «Ты здоров как бык. Только внешность ещё напоминает о том, что ты мужчина! Подумать только, эта девка с признаками мужчины любит плакать от сопливой песенки барда, готового бренчать на своей лютне любую ахи-нею, лишь бы дали тому пожрать! Может ты ещё женишься на мужчине!»

Даже когда его отец умирал, вместо прощального слова Уильям получил плевков в лицо: «Я жалею, что ты займёшь трон. Передай своей матери, что она победила – она так и не родила мне наследника.»

Королева-мать его тоже презирала. Она считала его виновником всех её бед и унижений, которые она терпела годами от своего мужа. Король не мог поверить, что Уильям его родной сын. Отец был решительным и смелым воином, а

сын никак не походил характером на него, хотя схожая внешность с королём прямо указывала на то, что вины за королевой нет.

Одинокий и нелюбимый, он терпел упрёки с требованиями сотворить того, чего он не мог сделать – стать храбрым и уверенным в себе мужчиной.

После смерти отца, Уильям был не готов взваливать на свои плечи проблемы государства, и неожиданно для себя, ему впервые помогла мать. Она взяла на себя все проблемы правления, но для народа Уильям по-прежнему оставался королём. Единственное, что любил делать Уильям как истинный король – устраивать роскошные пиры. Потому он предавался хмельному веселью, а мать с лёгкостью управляла как слабохарактерным сыном, так и боязливым народом.

Власть опьянила королеву-мать, потому она боялась того момента, когда настанет время женить своего сына. Потому при виде любой женщины во дворце, равной по годам сыну, королева-мать не скрывала своего презрения к ней.

Некоторые жители злословили, что королева спит со своим сыном и не желает его ни с кем делить, а король выпивал прежде чем лечь с этой старухой. Отсюда распускались новые сплетни о ненасытности королевы ввиду того, что Уильям частенько налегал на питьё во время многочисленных увеселительных пиров. Всё это были лишь сплетнями.

Уильям был слабым и нерешительным человеком, любящий стихи, музыку и танцы, но с самого детства мать ему

твердила, что он мужчина, он будущий правитель, он должен принимать верные решения и наказывать непослушных ей или ему людей. Так, через материнское «должен», вырос внешне суровый мужчина: крепкий, рослый, немного полный, с густой чёрной бородой и злыми чёрными глазами, как у отца, что придавало ему ещё больше суровости, но любящий розы, лютню и пёстрые наряды. Вид мужчины, внешнестью схожего с умершим суровым королём, который заставлял дрожать даже при упоминании Его Величества, в пёстрых тряпках вызывал смех и неуважение у народа и чувство стыда и раздражения у матери. Он устраивал пиры, чтобы хоть где-то наслаждаться цветами, музыкой и танцами, и познавал всю радость через пьянки. Мать разрешала ему это, но при условии, что на его пиршествах будут присутствовать только мужчины. Так мать и сын удовлетворяли свои потребности: он предавался своим потехам, а ей было легче его контролировать. Однако оба были глухи друг к другу: Уильям не понимал намерения матери очернить его имя и не собирался ничего предпринимать, а королева не понимала, что через пьянство Уильям заглушает свою боль одиночества.

Когда Уильям был ещё юношей, только – только прижатый в условия королевы, чтобы полностью предаться своим увлечениям, он тайком убежал из дворца, переодевшись в фермера и гулял по примыкающему к дворцу городу, наблюдая за движением пёстрых юбок. Это занятие король находил забавным. Он видел, что большинство народа живёт

бедно, но его заботило лишь то, как бы не узнала мать о его тайных прогулках – Уильям абсолютно не подходил на роль настоящего мужчины.

Однажды, на очередном побеге, он встретил на рынке девушку, продающую горшки. Девушка была светловолосой, с курносым носиком, маленькой и пухленькой, с изящными руками, которыми она вытирала горшочки такие же, как и сама девушка: круглые и маленькие. Его поразила эта гармоничность, но больше всего его поразили её глаза: большие и светлые, в которых таилась та нежность и доброта, которую он не встречал ни у кого, даже у своей матери, которую, какой бы она ни была, он сильно любил и испытывал к ней огромную привязанность.

Их взгляды сошлись. Уильям находил эту девушку прекрасной, несмотря на то, что её милое, слегка грязное личико, уродовала улыбка со скверными зубами. В ней таилась очарование любви, под которое безропотно попал Уильям.

Вечером, после торговли, девушка привела его в гончарню. Так, среди глины, песка, золы и воды, зачалась будущая причина свержения. После этого он ей открылся. Девушка поначалу испугалась, но и отказать дальнейшим встречам она не могла, понимая, что может с помощью короля заполучить прекрасное место при дворе. Она поклялась, что никто не узнает об их встречах. И слово своё она сдержала.

Они виделись ещё несколько раз, пока девушка не сообщила о том, что носит его ребёнка. Уильям испугался. Он до

последнего выпытывал у девушки, есть ли вероятность того, что ребёнок не его и можно ли прибегнуть к помощи травника, надеясь избежать проблем. Девушка уверяла, что имела близость только с ним и наотрез отказывалась избавиться от ребёнка. Уильям не знал, что делать, потому рассказал всё матери, потому что привык, что мать всегда за него принимала решения. Он пришёл к королеве в кабинет с опущенной головой, будто провинившийся шаловливый мальчишка, и рассказал всё о девушке и ребёнке, которого она носит под сердцем. Королева-мать была в ярости. Всю ночь она не смыкала глаз, думая над тем, как правильно поступить.

Гордость не позволила королеве прийти на следующее утро к девушке и просить об избавлении, потому просто передала горсть монет через посланника с намёком на то, что, если она всё сделает как надо, получит втрое больше. Девушка предприняла решение уехать из города. Спустя определённое время, через своих шпионов, королева узнала, что девушка растит здорового мальчика с чёрными глазами. Эта новость не обрадовала королеву, и она ещё долго кляла сына за его глупость.

Чтобы не допустить возможности появления лжебастардов, она пустила слух о том, что питье настолько погубило здоровье сына, что он потерял мужскую силу, а своим шпионам приказала следить за ним, чтобы он не сбежал или не сошёлся с какой-нибудь женщиной.

Действительно, после этого случая, Уильяма не замечали

поблизости с какой-нибудь хорошенькой женщиной, что ещё больше подкрепляло слух о его мужской немощи. Некоторые осмеливались пускать слухи о том, что спит он только со своей матерью – настолько сильна их любовь. Уильям и сам не желал больше испытывать судьбу и в очередной раз огорчать свою мать, потому пьянки продолжались, а вылазки в город исчезли раз и навсегда.

Глупые люди любят сплетни, которые затрагивают нечто интимное и запретное, потому новость была принята с огромным удовольствием, однако, те, кто были умнее, понимали, что что-то здесь не так.

Так Уильям жил взаперти с бутылкой чего-нибудь горячительного до появления седины и отсутствия желания веселиться – теперь он выпивал один, без повода и радости. Он просто не мог жить в другом состоянии – ему было больно и душевно, и физически. Единственное, что отличало Уильяма от обычного пьяницы, был дворец, в котором он жил с матерью. Он мог подолгу не выходить из своей комнаты. Если и выходил, то только в сад, чтобы посмотреть на цветущие розы.

И вот, на одной из таких редких прогулок по саду, он заметил, как один из кустарников с розой устарел. Внезапно к нему пришло осознание, что всё не вечно. Он стар, как и этот кустарник, а он за всю свою жизнь не сделал ничего, что доказало бы, что его жизнь не прошла напрасно. Мужчина провёл весь вечер в саду в раздумьях и воспоминаниях из

своей жизни в тщетных попытках найти то, что доказало бы, что все его стенания о бессмысленности прожитой жизни напрасны. К сожалению, все раздумья приводили к тому, что он был бесполезен. Уильям в панике прокручивал ещё и ещё воспоминания своей прожитой жизни, надеясь уцепиться за малейшую возможность: вспомнил молодую маму, отца, его смерть, страх перед долгом перед народом, помощь матери, ловушку, вспомнил о той девушке, свой поступок, как смирился с её уходом и ничего не сделал:

«Что же я сделал за всю свою жизнь? Вот! Вот что я делаю! Мой сын! Я должен его найти! Мой наследник! Надо всё устроить, пока не поздно!» – с этими мыслями он и составил завещание на право наследия: «Тот, кто найдёт моего сына, станет его наместником. Мой сын так сделает, он же добрый, надеюсь, как и его мать! Он обязательно это сделает! Только пусть бы его нашли до моей смерти!»

У королевы-матери уже давно был составлен чёткий план, кому передать право на наследие – племяннику Эдуарду. Он был умён, любил охотиться, красив, весь в отца – брата королевы – к тому же молод, а значит, ещё несмышлён в правлении. Уж она бы его сделала настоящим королём, своим настоящим наследником, о котором она мечтала. С ним бы она начала всё сначала и вырастила бы плодоносящую ветвь достойных правителей, ведь ветвь своего мужа и похожего внешне своего сына, она ненавидела больше всего, потому терроризировала народ, прикрываясь за спиной нерешитель-

ного и глупого сына. Для народа Уильям ничтожество. А её родная кровь, Эдуард, станет началом прекрасного правления – уж она об этом позаботится. Все планы разрушились, когда появился указ Уильяма о поиске своего сына, а следом за ним и завещание.

Третий раз Уильям портит всё в её жизни. В первый раз он заставил усомниться её умершего мужа в верности, второй – в появлении нежданного наследника от девки, и вот опять!

Королева-мать просила сына отменить указ и завещание, говорила о появлении лжесыновей, о разорении казны, о наивности и глупости его поступка, но Уильям ничего не хотел слышать, ещё и припомнил, что она прикрывается его именем, держа страну в бедности и, как королева говорила по этому поводу, «сдержанной скромности», распуская слух о его расточительстве, хотя всеми деньгами управляет исключительно она, держа их в казне. Уильям больше ей не подчинялся – он стал обузой, которая могла ещё и навредить.

Тогда она и решилась на это шаг: подговорила Эдуарда на переворот, дала согласие на убийство своего сына. Мысль о скорой победе, первом убитом «негодяе», будоражила голову молодому принцу. Он непременно согласился и пообещал ей убежище на юге во время бунта, а когда всё утихнет, вернёт свою тётку ко двору, выставив её в лучшем свете. Так начался переворот.

Вина

После того, как Эдуард присвоил себе трон, он не расфор-

мировывал армию – он её просто подкупил новым жалованием. Денег в казне было предостаточно, чтобы сыпать золотом. Снижение налога, увеселительные праздники, стройка нового дома лекаря, а ещё лучше, часовни для начала, которые королева запретила – и всё, народ твой до появления новых потребностей.

Чтобы не поднялся новый бунт, король направил воинов, приближённых к королевской чете, подальше отбывать свою службу в провинции, охраняя какое-нибудь прибыльное заведение. Туда же отправили и Генриха. Он уже давно мечтал начать новую жизнь где-нибудь подальше от столичной суеты: завести семью, купить дом, умереть от старости, в окружении детей, нежели в нелепой войне между королями, потому что оба слишком горды и глупы, чтобы просто поговорить. Он только мечтал о семье, но не верил в это: вряд ли кому-нибудь приглянется старик, который досрочно вышел на пенсию. Выглядел он и правда старо: худощавый, жилистый, высокий мужчина. Впалые щёки, покрытые светлой щетиной. Седина перемешалась с соломенным цветом жиденьких волос, доходящих до плеч. Он уже стал носить одежду обычного крестьянина: короткие штаны, длинная сорочка из конопли и сапоги. Единственное, что осталось у него от службы – шерстяной плащ с капюшоном, но он его берёт на случай холодов. Коня не отдали, припомнив ошибки по молодости. Потому Генрих начинал свою новую жизнь, грубо говоря, ни с чем. Лишь меч с королевской эмблемой и плащ напомина-

ли ему о прошлой жизни. Если что, меч пойдёт на продажу.

Сколько ему лет, он не знал, но знал то, что он изнашивался для службы в армии. Ему уже слишком поздно заводить детей. В его возрасте старики тешатся игрой внуков и красотой невесток, втихаря попивая домашнее вино, подальше от глаз своей ворчливой старухи-жены.

Поскольку он практически всю свою осознанную жизнь провёл в армии, делать что-либо другое он не умел или просто не хотел, потому роль надсмотрщика в доме купца в восточной провинции ему была по душе. Но прежде чем начинать исполнять приказ нового короля, Генрих решил кое-что исправить, потому направился в бордель.

Это было три года тому назад. Достаточно влиятельный дом задолжал королевской семье крупную сумму денег. Если бы глава дома льстил королеве и просил отсрочить оплату, он бы не познал её гнева. Но тот дом имел славу непреклонных гордецов, за что и поплатился. Королева нашептала тогда ещё живому королю-сыну хорошенько проучить острую на язык семейку, оскорбившую его мать: «Ты ведь не хочешь расстраивать свою мать? Накажи их. Покажи, как ты сильно любишь и уважаешь меня.»

Уильяму была важна любовь и привязанность матери, ведь он так мало этого получал в детстве, потому с покорностью выполнял всё, о чём она просила, не глядя на аморальность какого-либо приказа.

Так, по приказу короля, Генрих и ещё пару десятков во-

инов отправились, во всех смыслах этого слова, выбивать долг. Всё имущество перешло в казну, главу семейства и его жену отправили в ссылку на север оплачивать долг выкапыванием золота, но спустя месяц они покончили с собой. Одиннадцатилетнюю дочь продали в дом утех – так распорядилась королева, поскольку она посчитала, что молодая девушка своим телом быстрее сможет погасить долг семьи, нежели её родители. Этим поступком она хотела не скорейшего возвращения своего долга – тем самым поступком она захотела раздавить эту гордую и непреклонную семейку, посмеявшему ей перечить.

Народ судачил, что наказание слишком жестокое. Девушка не виновата в глупости отца, но гнев королевы не знал пощады. Так народ ещё больше возненавидел королевскую семью, но единственное, на что он шёл, было обсуждение и распространение грязных сплетен о королевской семье.

Сам Генрих отдавал эту девушку Уолтону – владельцу дома утех, старому знакомому. Сейчас он чувствовал вину перед ней. Он знал эту семью и наблюдал как росла и крепла эта весёлая и смышлённая девочка. Иногда она игриво дёргала его за плащ или играла с ним, прячась от него, будто спасалась от страшного чудовища. Знала бы она, что в скором времени Генрих действительно превратится для неё в самого страшного и ненавистного чудовище, насильно её волочащую в место, которое сравнимо лишь с адом. Но приказ есть приказ.

Сейчас он шёл в бордель с целью выкупить девушку, чтобы она, как и Генрих, смогла начать жизнь с чистого листа. Надеялся, что девушка простит его. Мечтал, что сможет вернуть её к жизни: не богатой, но спокойной и радостной. В идеале, они будут жить вместе: она будет заниматься хозяйством, а он работать и оберегать её от разного рода ублютков. В доме всегда будет пахнуть свежим хлебом и полевыми цветами. Он будет ей как отцом. А потом она выйдет замуж за простого деревенского юношу и будет часто навещать своего старика, радуя его своей располневшей талией и сворой шумных ребят, называющие её мамой.

Однако у жизни всегда есть другие планы на людей.

Уолтон – владелец борделя, был давним знакомым Генриха. Человек алчный и хитрый, умеющий выпутываться из разных ситуаций.

С владельцем борделя Генриха познакомили солдаты, ведь солдаты и пьяницы – основной доход владельцев дома утех. Однако у Уолтона были опасные девушки: бродяжки, болеющие заразными хворями, не знающие гребня для волос и гвоздики для приятного запаха изо рта, зато прекрасно знающие кулак и крепкие напитки.

Генрих брезговал такими девицами, наблюдая как другие солдаты превращались в безобразных уродов, заражаясь какой-нибудь дурной болезнью от этих девок. Потому Генрих приходил в бордель просто для того, чтобы сыграть партию – две с Уолтоном, пока солдаты развлекались.

Почему он отправил дочь купца именно в такое ужасное место? Он просто исполнял приказ королевы, и ему было плевать на эту одиннадцатилетнюю малолетку. Тогда.

Уолтон тогда щедро заплатил за неё, но Генрих в тот же вечер всё проиграл на второй партии игры в кости. Только после проигрыша он понял, насколько ужасный поступок он совершил. После этого он совсем перестал играть.

«Без денег и без девки.» – хохотал до слёз тогда Уолтон. Мерзкий достаточно тип, а чем лучше Генрих?

В тёплую пору года бордель переезжал в палатки, ибо запах разгорячённых тел, пота, алкоголя, грязных юбок девушек в маленьком душном доме не привлекал щедрых гостей – только низкосортный сброд, которым было всё равно на жару и запахи.

Вот и сейчас, в период ярмарок, проститутки жили в палатках, увешанные можжевельником, свято веря, что это спасёт их от болезней.

Генрих зашёл в аккуратную незаштопанную палатку – там находился Уолтон. Он всегда жил отдельно от своих девок, ибо боялся подхватить какую-нибудь заразу. Бывало, его часто не было, но за порядком следили наёмные солдаты: либо провинившиеся в службе перед королевой солдаты, либо такие же ненужные старики как Генрих.

Уолтон не изменился: такой же полный высокий мужчина со здоровым румянцем на щеках, полными губами, маленькими глазками и абсолютно светлыми бровями и ресни-

цами, будто их и нет. Правда, аккуратную бородку клинышком отрастил. Он ухаживал за собой и не выносил неприятных запахов, хотя владел полчищем болезни и вони. При себе он всегда имел надушенный платок. Человек приятной, пышущей здоровьем, наружности, располагающий к себе, но мерзкий и уродливый внутри. Он сидел за своим столом и пересчитывал монеты, раскладывая их по мешочкам:

– Генри, давно не виделась! Как поживаешь, старина? Какими судьбами? – наигранно поприветствовал Уолтон, увидев вошедшего в палатку Генриха.

– Уолтон, у меня к тебе дело. Не откажи старому знакомому. – неуверенно начал Генрих.

– Денег одолжить? Попытать счастье в игре? – нагнувшись, – Или потянуло старика на блуд? Уж этого добра у меня много!

– Не совсем. Я хочу выкупить у тебя девушку. Насовсем. Отдам всё. Уверен, за то время, как я к тебе её привёл, она здорово упала в цене. Три года всё-таки.

– Ты про ту аристократку?

– Да.

– Но...

– Сколько надо? – перебил Генрих, – Я получил повышенное жалование. Меня отправили на службу в восточную провинцию. Я её заберу.

Уолтон засмеялся:

– Но я тебе её не отдам.

– Почему же? Неужели она до сих пор приносит тебе хороший доход?

– Нууу...я на неё совсем не трачусь. – усмехнулся мужчина и принялся дальше считать монеты.

– Как это понимать?

– Она умерла. – Уолтон разразился смехом. Высокие горстки монет развалились.

– Как? Почему? Её убили?

– Нет. Банальная лихорадка. Эти аристократки такие нежные! Постоянно ей было дурно, не то что остальные. Быстро скопытилась.

– Чёрт возьми! Ну как же так?! Опоздал! – сокрушённо произнёс Генрих. Он пошатнулся, будто терял сознание, и рухнул на рядом стоящий мешок с пшеницей.

–Тебе нужна компаньонка? Почему именно среди проституток?

– Мне нужна была она. Хотел начать с ней..вместе..всё сначала.

– Пхах, королева пропала, решил, что и приказ теперь не в силе? – усмехнулся владелец борделя. – Ну я бы тебе её не отдал, будь она жива. А так, хвала её смерти, наша дружба сохранится! – засмеялся Уолтон.

–Иди к чёрту! – вспылил Генрих. – Когда она умерла?

– Да где-то зимой или весной.

Генрих опустил голову.

– Ну чтоо ты. – наиграно протянул Уолтон. – Раз уж у те-

бя проснулась совесть, ты можешь забрать любую из моих девок. Они все в каком-то роде страдают. А так вину испишь. За деньги, разумеется.

Генрих молчал. Тишина стояла достаточно долгое время:

– Кто из них из востока? – тихо спросил Генрих, по-прежнему не поворачивая голову к владельцу борделя.

– Прямо из востока таких нет, но есть одна из деревни, на пути к восточной провинции. Три года назад был там проездом. Дура душой, но дорогу должна помнить. Она у меня как побитая собака – всегда найдёт дорогу назад. К хозяину, видимо, тянет. – усмехнулся Уолтон. – Отдам за парочку медяков.

– С чего вдруг такая щедрость? – мрачно усмехнулся старик.

– Она не приносит мне сильного дохода: еле покрывает своё содержание, да и в проблемы постоянно впутывается. Можешь рискнуть, так сказать, попользоваться. За ней никаких болезней не замечал. – подмигнул Уолтон.

– Как она к тебе попала?

– Просила милостыню у ворот города. Подобрал. Такие глаза доверчивые, прямо не могу. Она быстро вкусила жизнь моих владений.

– Хорошо. – Генрих протянул из своего мешочка пару медяков. Уолтон встал и подошёл к старику. – У неё есть тёплая одежда? Боюсь, мы придём туда, когда похолодает.

– А тут уже сам разбирайся. – забрав медяки сказал Уол-

тон. – Теперь это твоя забота. Решил начать творить добро, твори!

Владелец вышел из своей палатки и прокричал: «Оливия! Иди сюда, сучье отродье!»

Юг

Повозка всё дальше отъезжала от замка. Чем дальше они направлялись к югу, тем теплее и солнечнее становилось, будто природа не засыпала перед холодной и продолжительной зимой, а наоборот, возрождалась с новой силой. Королева до сих пор не могла поверить, что это всё-таки произошло. Наконец-то. Теперь всё будет так, как она хотела: её горячо любимый племянник на троне, она вернётся к нему вскоре после того, как хорошенько отдохнёт на юге.

Она перестанет быть деспотом. Для народа все эти тиранические поступки были совершены от имени короля, а её имя очистят от ненужных сплетен. Её сын умер, прервав за собой эту никчёмную ветвь северных королей. Он не был достоин трона, а продолжать эту линию было просто сумасбродно.

Сейчас с Эдуардом она начнёт поистине новую эру. Они будут править вместе. Он – человек сильный духом, но пока ещё молодой, его можно легко воспитать под себя – правильно и мудро. Женить на робкой, слабохарактерной девице знатного происхождения, у которой в голове есть только мысли о детях и ублажении мужа. «Уж она-то не сможет опу-

тать его, не завладеет моим тронem. Он мой пока я жива! А там уже и племянник заменит меня.

Я выращу из него прекрасного правителя, которого будут любить и уважать. Никаких шутов и тиранов! Только рассудительные король и королева! Ему можно доверять.»

Дорога с остановками занимала 14 дней и ночей. К счастью королевы, за это время ни разу не попадались нечестные люди, готовые поживиться добром проезжающих мимо путников.

Весь путь королева предвкушала, как её кости будут греть солнце, а горячие воды с маслами будут уносить её в мир блаженства и счастья. Всё это время она будет отдыхать и рассуждать о том, с чего начать новую эру, пока Эдуард не пришлёт ей послание с просьбой вернуться обратно. Пока что она будет под защитой её общего с Эдуардом дальнего родственника – правителя юга Азгура. Что она слышала о юге: родина дорогих специй, масел, сладостей и тканей; люди, с иссиня-чёрными волосами и бронзовой кожей, говорящие с сильным акцентом,

Никогда ещё королева не была здесь, но много слышала об этих местах от послов, приезжающих отсюда. Часто, но разумно, она тратила казну на товары купцов из этой страны и свято верила, что все эти масла и притирки сохраняют её красоту и молодость. Ванильные бобы, корица, пальмовый мёд и много чего ещё. Скорее всего что-то в этом и было – королева действительно выглядела превосходно для своих

лет. «Как только приеду туда, в первую очередь попробую настоящий кхир и митай. Действительно это всё так сладко, как готовили мои кухарки или ещё слаще?» – думала так королева по дороге. Много разных мыслей посещали её, но все они сулили ей счастливое светлое будущее.

За день до прибытия в столицу юга, повозка королевы остановилась в маленьком южном городке, дабы перекусить и послать южному правителю весточку птицей. Еду и постель забирал мужчина, перевозящий королеву, чтобы всё обошлось без неприятностей. Королева долго не могла заснуть не из-за того, что постель была из соломенного тюка, жёсткой и неудобной – она уже мысленно была на юге. Последний день поездки дался ей особенно трудно – так медленно повозка ещё никогда не катилась.

Наконец, на следующий день, перед её глазами предстала столица юга – большой и красочный город с жёлтыми каменными стенами. Вдалеке казалось, будто это просто огромное солнце, встающее на горизонте. Разноцветные окна создавали блики, ещё больше убеждая королеву о том, что перед ней край земли и восходящее светило. Только у солнца нет башен – пик, с разноцветными мозаичными рисунками на стенах. От увиденного, у неё перехватило дыхание: такую величественную красоту она видела впервые. Она даже не имела понятия, что такое можно сотворить. В её понимании стены должны были быть серыми и холодными; одежда людей скромной и неприглядной; зимы холодными. Но эти стены

давали ей мысль о том, что мир может быть построен иначе, и это не будет казаться нелепым и ужасным.

Размышляя над этим неожиданным открытием, женщина и не заметила как она подъехала к огромным золочённым воротам с рисунком беременной девы в голубом, держащую в опущенной руке лук, а в поднятой – стрелу.

Ворота раскрылись. Из них появился человек в мешковатых зелёных одеяниях. Он подошёл к повозке и заговорил с королевой с жутким акцентом:

– Приветствую вас в нашей стране. Наш правитель Азгур потребовал поменять вам повозку. Никто не должен знать, где вы остановились, – он покосился на мужчину в повозке, привёзшего сюда королеву. – Никто. Даже ваши проверенные люди.

– Приветствую и вас. – почтительно наклонила голову королева в знак приветствия. – Я надеюсь, что моему человеку щедро заплатят.

– Конечно, – человек достал из одной из многочисленных складок своей одежды звенящий мешок и обратился к мужчине в повозке. – Можете возвращаться. Мужчина протянул руку и забрал мешочек.

– Вы не позволите ему даже переночевать и отдохнуть? – удивилась королева.

– Нет. Слишком опасно. Пойдёмте за мной.

Королева спустилась с повозки, размяв свои кости от долгой дороги. Повозка свернула на дорогу и поехала неспешно

назад, а она осталась с этим странным человеком в зелёном одеянии. Её смутило то, что человек не представился, не говорит ей «Ваше Величество», будто она никто. Однако делать нечего: надо быть осторожной и держать свой нрав при себе. Гордо расправив плечи, она последовала за таинственным мужчиной. Ворота закрылись.

Пройдя через арку, женщина увидела, что её ждала абсолютно такая же повозка, на которой она приехала. На ней сидел светловолосый юноша в свободной рубаше, шароварах и жилетке. Только сейчас она подумала, как нелепо выглядит в глазах этих людей: сапоги, брюки из шерсти, тёплая рубаша и жакет. Она же не в своём королевстве. Здесь можно помереть от жары.

Когда она залезла на повозку, юноша протянул ей накидку с просьбой надеть её для собственной безопасности. Королева послушалась. Человек в зелёном одеянии развернулся и ушёл, даже не поклонившись.

Юноша больше не проронил ни слова – от него она не услышала даже приветствия. «Что за странный народ? Такие непочтительные» – возмущалась в мыслях королева.

Они свернули на оживлённые широкие улицы. Повозка опасно раскачивалась на ухабистых дорогах, а мулы намеревались почесать свои бока о другие повозки. Люди сновали влево и вправо. Всё буквально кишело людьми. Королева смотрела на всё из-под своей накидки с неприкрытым удивлением: пляшущие разноцветные тряпки вместо обыч-

ной серой одежды, с чёрными точками – головами, намеревались пройти через дорогу, не обращая внимание на повозки. Кто-то верещал, кто-то подгонял других своих мулов. Откуда-то перелетела куропатка буквально перед лицом королевы. У королевы закружилась голова от многочисленных запахов: скот, пот, специи, краски. И жара. Невыносимая жара. Но какие красивые стены кругом, расписание различными рисунками – эпизодами охоты, купания или торговли. А такое обилие красок в одежде она видела впервые. Блестела не только мозаика, но и многочисленные украшения женщин и мужчин.

Её привезли к дому с облупившейся краской на стенах, примыкающему к рыбному рынку. Жара и вонь гнилой рыбы вызвал резкую головную боль и вспышку гнева у королевы: «Куда ты меня привёз?! Это что ещё за приём?!»

Юноша повернулся к ней и спокойным голосом сказал: «Это временное жилище. Вы приехали днём, а тут у нас всегда много глаз и ушей. Как только сядет солнце, я перевезу вас в достойные покои. А теперь позвольте принять вас в моём скромном жилище и накормить стряпнёй моей матушки.»

Ответ успокоил королеву, и она последовала в дом за юношей. Она даже не знала, что её больше всего успокоило: содержание ответа, или то, что и просьба надеть накидку, и ответ на её возмущение был сказан на её родном языке. В отличие от мужчины в зелёном одеянии, юноша говорил без

акцента.

Внутри так же воняло рыбой, как и снаружи, но было чуть-чуть прохладнее. Перед королевой стояла низкорослая широкоплечая женщина со смуглым лицом. Чёрные волосы собраны в пучок, однако парочка прядей выбилась из-под причёски. Одетая она была в сальвар – камиз жёлтого цвета.

«Почему юноша знает мой язык и говорит на нём так безупречно? И почему он так не похож на мать? Светловолосый, зеленоглазый Если это вообще его мать.» – размышляла королева.

–Приветствую вас, Ваше Величество. Простите за столь скромный приём, но позвольте мне угостить вас плодами моего труда. Я буду очень признательна. Для меня это большая честь. – почтительно поклонилась женщина. Её голос был низким и грубым.

–Благодарю. – «Ложь, ей плевать на меня. Однако поразительно, женщина тоже прекрасно владеет моим языком!» – Меня ожидали вечером, как объяснил ваш сын, однако глядя на ваш стол, кажется, будто меня ждали, что я приеду именно сейчас.

–Ой, да что вы. – махнула рукой женщина. – Это так. К нам должен был приехать наместник нашего правителя Азгура, однако он отправился на охоту вместе с ним. Так что всё сложилось как нельзя лучше.

–То есть Азгур сейчас не в столице?

–Нет, он будет завтра, – ответил юноша. – Он сразу же

приедет к вам во дворец после охоты.

– Что ж, может тогда приступим к трапезе? – предложила женщина.

– Хорошая идея. – согласилась королева. – Вы, вероятно, тоже голодны. Позволю вам отобедать со мной в знак благодарности за радушный приём.

– Благодарю вас, Ваше Величество. – поблагодарила женщина и поклонилась.

Королева сняла свою накидку и небрежно бросила её на пол. Юноша и его мать сели за стол после королевы. Стол действительно ломился от яств: ачар, бирияни, гулаб – джамун. Правда, королеву смутило то, что десерт стоит вместе с основными блюдами, а не подаётся после них. «Это не дворец, но до вечера потерпеть смогу.» – вслух произнесла королева, усевшись за стол. Только сейчас королева поняла, насколько она голодна. Она принялась есть бирияни, восхищаясь вкусом экзотического блюда. Женщина и юноша скромно ели наан:

– Могу ли я вас спросить кое о чём? – задала вопрос королева.

Юноша и женщина перестали есть и переглянулись друг на друга:

– Конечно можете, Ваше Величество, – ответила женщина.

– Кем вам приходится наместник? Вы не простые крестьяне. Наместники так просто в гости к крестьянам не ходят.

– Вы очень внимательны. Он отец моему сыну. – женщи-

на рукой указала на юношу. – Моё низкое происхождение не позволяет наместнику жениться на мне, однако он смог дать нашему сыну образование и дорогу в будущее. Когда сын ещё в детстве учил язык вашего народа, с ним училась и я. Отец очень хотел, чтобы мальчик знал язык своих предков. Он же из ваших краёв. Его ещё ваш муж назначил. Меня, кстати, зовут Шьяма.

Юноша посмотрел на мать в недоумении.

«Ах да, я у них даже имена не спросила.» – подумала королева.

– А я представляться не буду, так как скоро поменяю своё имя. – процедил юноша.

– Он станет личным писцом нашего правителя. А с должностью во дворце даётся и новое имя. ...Вам не здоровится? – поинтересовалась Шьяма. – Вы бледная.

– Да, видимо дорога утомила. Ну и жара же у вас. Дыхание перехватывает. – пот выступил на лбу, в голове начало неприятно пульсировать, а сердце учащённо забилося.

– Кстати, Азгур оставил вам письмо на случай если вы приедете днём, не вижу смысла медлить. Позвольте я вам прочту. – предложил юноша.

– Давайте, я пока что от..отдохну от трапезы. – с трудом начала говорить королева. – Пр-про-чит– тайте.

– «Глубокоуважаемая гостья. Весьма огорчён, что я не могу наблюдать как вы умираете. Вид умирающих женщин, а тем более такой, от яда, вызывает во мне отвращение. Это

низко и мерзко даже для меня. Хотя что-то должно во мне быть святое.

Ваш дражайший племянник Эдуард предложил мне за определённую услугу убить вас. Соблазн был велик, и я не смог устоять. Надеюсь, Шьяма сделает так, чтобы вы прочувствовали всё, что сотворили за всю свою жизнь. Она знает толк в своём деле. Она проследит за вами до конца. Вечером вы уже будете не с нами, и ваша голова окажется у меня на столе.

Мне жаль, что мой пример жестокости и тирании так глупо умирает, но смерть не выбирает время и место, тем она и прекрасна.»

– Ты..ты..вы..ах..вы...мра... – королева начала давиться своей рвотой. Рухнув на пол, она последовала в мир агонии и нескончаемого бреда.

–Ты вообще спятила называть своё имя?! Что с тобой случилось?! Зачем ты всё рассказала про нас?! Может быть ты бы ей поведала о том, что мы её собираемся отравить?! – вспылил юноша. От гнева, он даже не заметил, как они перешли на родной южный язык.

– Она всё равно умрёт, так что нет смысла бояться. –отчеканила Шьяма. -Давай, тащи её в чулан.

Юноша взгромоздил хрипящее тело королевы на спину.

Вечер так и не принёс королеве облегчения в виде смерти. И на следующий вечер тоже. Третьи сутки королева мечтала о скорейшей кончине, но что-то её не отпускало. Юноша

заметно нервничал: Азгур ждал голову королевы как можно скорее, но смерть должна наступить от яда. Мучительно. Но она не умирала, а условие смерти менять нельзя.

— Она не выживет. Начала гадить кровью, значит конец близок. — успокаивала Шьяма. — Ужасная смерть. Уж лучше сразу помереть, чем так мучиться.

Волосы королевы спутались. Ей казалось, что с каждым вздохом внутри неё всё возгорается с новой силой, а живот раздробили на мелкие кусочки.

Да уж, умирать в такой жаре, на глыбе, в каком-то чулане, в собственном поту, кровавом дерьме и рвоте — не этого ли она достойна за содеянное.

В очередной раз она теряла связь с реальным миром. Где она? Так темно. Свеча. Мальчик. Уильям. Уильям, прошу тебя, будь мужчиной. Не веди себя так. Не зли отца. Ему это не нравится. Не зли его. Прошу тебя. Умоляю. Мне страшно. Ты же меня любишь? Если любишь, не делай так. Уильям в платье. Подвенечное платье. Уильям ведёт меня к алтарю. Нет! Нет, не Уильям! Чудовище! Чудовище! Прекрасное чудовище! Я тебя любила! Ненавижу! Гори! Гори часовня! Ради ребёнка! Нет! Не трогай ребёнка! Гори! Ненавижу! Кровь на стенах! Кровь! Яд! Яд! Яд!

— Что она шепчет? — спрашивал юноша.

— Что-то о яде, мужчине в платье, чудовище и ребёнке. — отвечала Шьяма. — Бредит. Бедняжка. Может помочь ей? Чтобы не мучилась. — женщина повернулась к юноше. — При-

неси что-нибудь, что поможет ей облегчить страдание.

Юноша изумился, но не смел перечить матери. Он мигом убежал и вернулся с клинком. Женщина обхватила клинок двумя руками и прижала к груди:

– Ты же не думаешь послушаться приказа? Она должна умереть от яда.

– Он об этом не узнает. Ему нужна только голова. – глядя на королеву, ответила Шьяма и обратилась к ней на её языке: – Хотите я сделаю это прямо сейчас? Хотите? Хей! Она молчит! Кажется она перестала дышать. Проверь, дышит ли она?

Юноша сдвинул грязные слипшиеся волосы с лица королевы:

– Не слышу. Вроде нет.

– Всё-таки отмучилась. Бедняжка. И так продержалась долго.

– Холёная, потому и здоровье крепкое, хотя если бы крепкая была– выжила.

– Прекрати! Что бы ни сделала она, такой смерти я бы ей не пожелала.

– Она убила своего сына руками племянника, а тот её отравил – нашими. Вполне всё справедливо.

– Не могу поверить в это. Зачем? Это же её сын. – задумчиво произнесла женщина. – Ну да ладно. Нам, простым людям, не понять их, королей. Пойду подготовлю всё, чтобы вымыть тело.

–Ты хочешь её похоронить? Ты спятила?!

–Я не смогу принести Азгуру её голову. Если у тебя хватит смелости, можешь отрезать её сам. Раньше меня отправляли просто отравить человека, но не следить за тем, чтобы всё действительно свершилось. Я впервые наблюдала смерть от начала до конца. Я должна похоронить её надлежащим образом, несмотря на то, что она убийца своего собственного сына. Можешь так и передать ему. Если он хочет убедиться в её смерти, пусть приходит сюда.

– Сначала ты хотела облегчить смерть клинком, говоря, что Азгуру нужна только голова. Но вот, к счастью, она представилась. Но теперь ты не собираешься отрезать ей голову, а намеренна похоронить. Ты спятила?! Ты понимаешь, что такое неповиновение приказу равно измене?

– Задеть самолюбие мужчины и есть самое страшное преступление? Ну что ж, значит такова моя судьба. Тем лучше. Я не смогу подчиняться сопляку, который годиться мне в сыновья, с ущемлённым самолюбием и нездоровой жажде к крови. Уж сколько лет я убиваю людей, но такой любви к мучениям людей я не испытывала никогда. Я должна её похоронить. В её стране хоронят, так?

–Так. – сухо ответил юноша. Ему не нравилась эта идея. Но то, что произошло дальше, не понравилось уже не только ему, но и его матери.

Неожиданно юноша исчез тем же днём на несколько дней.

Плата за доброту

Перед ним стояла совершенно непривлекательная девушка: маленького роста, тощая, без каких-либо признаков наличия женских прелестей, угловатая. Генрих до последнего думал, что над ним шутят, переодев мальчика с длинными, грязными, рыжеватыми волосами в девичье тряпье.

Нос неестественно кривой, но глаза Их нельзя было назвать красивыми, но они чем-то привлекали.

– Конечно, это не Матильда. Я бы свою любимицу не отдал. Бери что есть. – сказал Уолтон и обратился к девушке: – У тебя есть тёплая одежда?

Оливия засмеялась, обнажив свои зубы: парочка зияющих чёрных дыр вместо зубов отнюдь не придавали ей красоты:

– У меня её и не было никогда.

– Ну ты сам понял. – обратился Уолтон к Генриху. – Плату ты мне уже отдал. Забирай девку.

В глазах проститутки читался испуг.

– Не бойся, ты мне просто укажешь дорогу до своей деревни, а там я тебя отпущу, а сам отправлюсь дальше в восточную провинцию. – обратился Генрих к проститутке, заметив её внезапно исчезнувшую улыбку.

Страх сменился недоверием.

«Она всего лишь чуть старше Матильды. Кто же так над ней издевался?» – подумал Генрих.

– Идём, нам надо добыть тебе тёплой одежды. И обуви. Нам предстоит долгая дорога. – вслух произнёс он.

– Ты на неё спустишь всё своё жалование. – предостерег

его Уолтон. – Это не Матильда, тут нечего тратиться. Она выживет в любом случае.

Оливия стояла и растерянно мотала головой, глядя то на владельца борделя, то на старика. Генрих ушёл, попрощавшись.

– Ну что ты стоишь? Вот твой новый хозяин. Пошла вон отсюда! – прокричал Уолтон и девка, как будто проснувшаяся ото сна, побежала за Генрихом.

Они направились к рынку.

Рынок представлял собой скопище палаток из которых зывали зайти к ним и купить их товар. Мулы, специи, ткани, металлы, горшки – всё воняло каким-то одним диким запахом. Толпы людей, кричащих, убегających, жмущихся к тебе с намерением украсть незаметно твой мешочек с небольшим добром. Где-то среди палаток просит милостыню бродяга, но мальчишки в рваной одежде плюются в бедолагу, пока не видят их родители, а были ли вообще эти родители у них? Рядом спит другой бродяга: или уже мёртвый, или мертвецки пьяный.

– Надо быть начеку. Держись за меня и следи, чтоб никто не пытался дотянуться до моего пояса. – приказал старик Оливии. – Будет трудно найти одежду, все шьют самостоятельно. Тут только ткани продают. Если и найдём, то у заморского купца, а на это мне не хватит монет.

Оливия смотрела на Генриха удивлёнными глазами, будто увидела небывалое чудо.

– Ты чего так смотришь? – раздражённо спросил Генрих.
«Правильно Уолтон говорил, дура – душой».

– Почему?

– Что почему? О, ты умеешь говорить! Я уж думал, молчит, значит не умеет говорить. – язвительно сказал Генрих.

– Почему вы ко мне так добры? – спросила Оливия.

– Что? Я...а...ты просто оказываешь мне услугу. А чтобы ты её выполнила хорошо и не умерла по дороге, нам нужно купить тебе одежду и обувь. – смутился Генрих: «Лучше бы она молчала.»

Чудом они наткнулись на палатку с дешёвой одеждой. Купив Оливии новую юбку из шерсти, и такую же рубашку, он приказал ей держать свои новые вещи как можно сильнее, чтоб не вырвали из рук местные рыночные воры. К сожалению, из дешёвой обуви были только остроносые туфли на верёвках, которые совершенно не годились для долгой дороги. Пришлось купить такие же мужские сапоги, что и у Генриха, а они ему достались на службе и стоили целое состояние. Выбора особо не было. Потому Оливии достались хоть и дорогие, но бесформенные сапоги, которые были ей велики. Выглядела она нелепо, но ничто не смущало девушку. Она выглядела самым счастливым человеком в королевстве.

Так Генрих обнаружил, что денег у него практически не осталось: «Поверить только! Я на эти деньги мог купить себе мула или корову и жить счастливо в восточной провинции, но я потратил все деньги на проститутку.»

– У нас осталось совсем мало денег на еду и питьё, так что пить будем воду из рек, а еду будем есть только по крайней нужде. Просить будем, не знаю. – сокрушённо сказал Генрих.

– Не бойся, мы что-нибудь придумаем. – улыбнулась Оливия, в глазах которой читалась благодарность и покорность. Всю дорогу она смотрела на Генриха не переставая улыбаться. Старику на мгновение показалось, что девушка тронута умом, потому сама согласилась прийти к Уолтону на работу.

– У меня есть хлеб и немного сыра. Небывалое роскошь с королевской кухни. Это надо поберечь. Быстро захочется снова есть. А вот эти лепёшки очень даже бы и пригодились, но они слишком дороги для нас, – Генрих указал на женщину, торгующую теми самыми лепёшками. – потому попытаемся пройтись по домам и пособирать чего-нибудь съестного у добрых людей.

– Только для начала давай я переоденусь. – предложила Оливия.

– Тогда выйдем к лесу, чтоб тебя никто не видел. Не будешь же ты при всех тут переодеваться. – усмехнулся Генрих. Оливия не ответила ему и даже не улыбнулась на этот раз, ведь она не видела ничего дурного в том, чтобы так поступить.

Вместо этого, она покорно последовала за Генрихом в лес. Мужчина широко шагал, потому Оливия едва за ним поспевала, иногда приходилось бежать.

– Одежду лучше сжечь, в ней много вшей. – сказал Ген-

рих. – Даже бродяжке такое не отдашь. Как ты в этом ходишь?

– У меня не было выбора. – запыхавшись, ответила Оливия.

– Помыться не получится, вода уже холодная, а банями пользоваться сейчас – небывалая роскошь. – сказал Генрих, звякнув монетками в руке.

– Я даже не была в них ни разу. – ответила Оливия.

Добравшись до леса Генрих начал собирать хворост для костра. Оливия скрылась в кустах, чтобы переодеться. Достав из кармана два остроугольных камушка, Генрих быстро выбил из них искру и тем самым развёл костёр. Всё это он делал машинально, а в голове роились мысли:

«Что происходит? Зачем я её с собой взял? Нет Матильды, ну так развернулся бы и ушёл, заказал себе повозку и поехал на службу. Но нет, взял какую-то некрасивую глупую девку. Зачем?»

Но что-то в глубине души подсказывало, что он поступил правильно.

«Да где она там пропадает? Уже должна переодеться.»

– Оливия! Ну где ты там? Не хочешь расставаться со своей старой одеждой?

Но в ответ ничего не прозвучало. Генрих подошёл к тем кустам, где переодевалась девушка:

–Оливия! Ол..

Но он обнаружил лишь её старую одежду.

«Неужели сбежала! Вот же действительно сучье отродье! Что я ей сделал? Неужели обратно к Уолтону? Да не может быть. Так же благодарна была! Все они, проститутки, такие. Не зря их и лупят как скотину. У этой вообще так зубы выбиты. Не зря Уолтон мне говорил, что проблем доставит. Потратил деньги на одежду и всё, сбежала. Нет, не побежит же она к Уолтону в новой одежде, зачем? А вдруг её сейчас тихо похитили? Сколько ж людей на рынке бегают. Может кто заметил, да ещё с чем-то в руках. Убьют и одежду эту продадут. Да что там одежда. Сапоги целое состояние стоят. Или просто попользуются и бросят. Надо попытаться найти.»

Генрих пошёл искать по лесу хотя бы следы или сильно примятую траву, если её насильно тащили. Слегка примятая трава от сапогов указывала на то, что девушка сама держала путь на рынок, никто её не тащил. Вернувшись обратно на рынок, он стал искать глазами Оливию, но народа было столько, что все люди превратились в одну сплошную серую массу из лохмотьев и тряпок – отыскать Оливию было невозможно.

Генрих прождал на рынке до того времени как все купцы свернули свои товары и уехали на гружённых тележках. Бледнел закат, а Генрих так и сновал уже по давно пустующему рынку. Как нельзя кстати Уолтон оказался победителем: «Без денег, и без бабы. А ведь и правда: денег осталось мало, но мне одному ещё можно прокормиться до восточной провинции, но как туда доберусь?»

Хорошо, спрошу дорогу, но тогда зачем я выкупил эту проститутку? Я же изначально шёл за Матильдой! Если она мертва, то зачем я брал эту Оливию, которая знала лишь часть, хоть и большую, нужного мне пути? Смысл? Да нигде нет смысла! И пойду я, старый дурень, один в восточную провинцию, и буду там доживать свои унылые дни.

А может она вернулась и ждёт меня в лесу? Она же дура. Вдруг среди других кустов потерялась.»

С этими мыслями он вернулся в лес, но Оливии там не обнаружил. Только сейчас он вспомнил о том, что голоден. Развёл ещё раз костёр, постелил свой плащ рядом с ним и, сев, принялся есть хлеб и сыр. Лохмотья Оливии он всё-таки сжёг, не надо зато идти за хворостом. Так Генрих и заснул у костра.

Утром он проснулся от треска веток, будто кто-то ходил возле него. Открыв глаза, он не поверил своим глазам: это была Оливия. Ему не привиделось, это была действительно она. Мгновенно вскочив, он протёр глаза, тем самым согнал остатки сна.

Смущаясь, она достала из кармана горстку монет. Ими можно было оплатить те самые лепёшки, даже ещё немного оставалось на медовое пиво. Генрих схватил её за локоть и больно его сжал. Девушка испуганно вскрикнула.

– Где ты пропадала? Я искал тебя всю ночь по лесу, думал, что тебя загрыз дикий зверь или просто перерезал глотку местный головорез. Как ты достала эти деньги? Ты их

украдала? – спрашивал старик. Его голос не предвещал ничего хорошего. Он был злым и пугающим. Лицо искажённым от злости, а в глазах читалась угроза и испуг.

– Я...я...была на рынке. Просила милостыню, но никто мне не помогал. Я уже собиралась вернуться к тебе, но встретила у ворот знакомого человека. – испуганно пищала Оливия. – Он часто приходил ко мне в палатку, потому я подумала, что он сможет мне дать немного денег. Он с кем-то торговался, но, увидев меня, он прекратил разговор с купцом, и...я предложила себя... он согласился. Нам очень нужны эти деньги, и это единственная работа, за которую мне всегда платили... Он же не знает, что ты теперь мой хозяин. Я...я.. даже немного снизила цену, чтобы он не задался вопросом, почему я не в своей палатке, но я ничего не украдала, честно.

– Я не твой хозяин. Я просто выкупил тебя, чтобы ты показала мне эту чёртову дорогу в чёртову восточную провинцию. Это просто услуга и ничего более. После того, как мы придём туда, ты можешь идти куда угодно. Ты практически свободный человек. Ты не обязана предлагать себя за лепёшки, я тебя об этом не просил, я мог бы достать деньги другим способом, не прилагая столько усилий.

– Но я просто хотела помочь. Нам же действительно нужны эти деньги. Мы голодны. Нам нужна еда. – пыталась оправдаться девушка.

– Я благодарен тебе за твои...старания. Ты можешь делать всё, что угодно, но не навлеки лишних проблем. Вдруг ка-

кой-то твой знакомый потеряет спяну свои деньги, подумает, что это ты их забрала за совместное времяпровождение и натравит парочку псов нам в дорогу. Не делай глупостей. – грозно проговорил Генрих, но спустя время, успокоившись, он спросил её, – Ты сама хоть что-нибудь ела?

– Н-н-нет, со вчерашнего дня. – задумчиво ответила Оливия.

– Возьми, – Генрих протянул хлеба с сыром. – К чёрту эту роскошь, если ей нельзя пользоваться. Всё равно простые лепёшки с рынка куда сытнее этого.

Они принялись есть оставшийся хлеб с сыром, договорившись, что поедят в следующий раз только ближе к закату. Генрих позвенел монетами в руках:

– Ну что ж, идём на рынок за лепёшками. Медовое пиво не берём. Оставшиеся деньги побережём. По дороге будем захаживать в деревни. Сейчас сезон урожая и ярмарок – не умрём от голода.

Хоть Генрих и был зол на Оливию, но в глубине души он почему-то радовался. Может быть тому, что эта некрасивая и глупая девушка жива и невредима. Или тому, что она его не надурила. Или что Уолтон тут неправ. А нет, всё-таки прав «...как побитая собака – всегда найдёт дорогу назад. К хозяину, видимо, тянет.»

Игра на выживание

Они шли уже неделю. Погода им ещё благоприятствовала, радуя глаз дождями из красных и жёлтых листьев, однако

красота была обманчива –оба понимали, что за этой красотой последует холод. И не ошиблись. Стремительно начало холодать. Спали они на еловых ветках, укрываясь плащом Генриха – он им служил и тёплым одеялом, а иногда и подстилкой. Из-за холодных ночей они решили спать вместе, чтобы согреться. Казалось, вереница лесов просто нескончаема. Генрих и Оливия почти не разговаривали друг с другом, и это молчание не смущало никого. Они друг друга не знали, их просто свела судьба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.